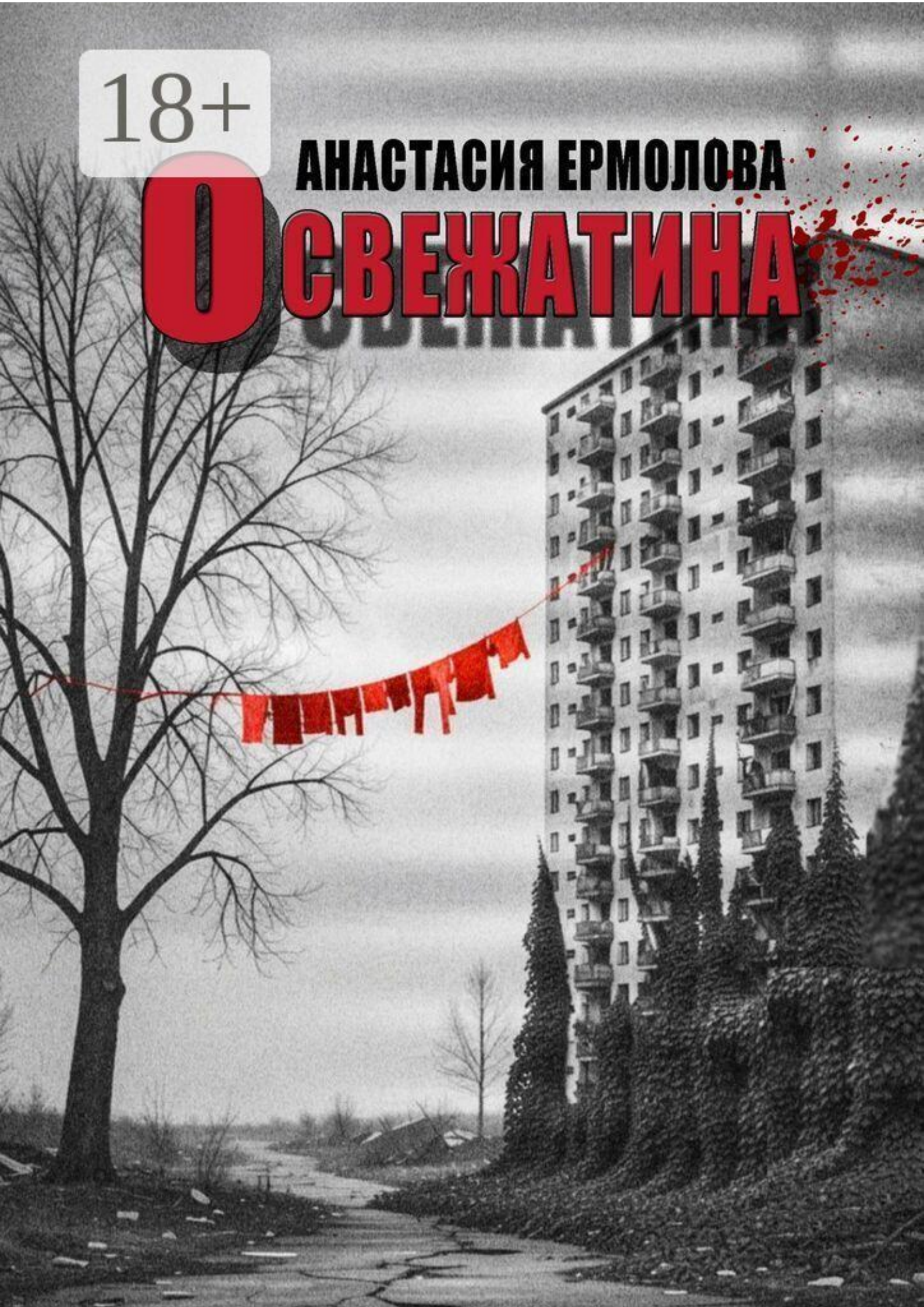

18+

АНАСТАСИЯ ЕРМОЛОВА

О СВЕЖАТИНА

Анастасия Ермолова

Освежатина

«Издательские решения»

Ермолова А.

Освежати́на / А. Ермолова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699854-4

В этом мире люди забыли слова. Оскопили речь, а смысл существования свели к простой дилемме: убей или умри. Человекообразные осели в руинах высоток, скрываясь от мохнатых чудовищ. А-а — первый, кто потянулся к знаниям. Первый, кто усомнился в том, что «чудовище» определяется наличием шерсти. Первый, кто смог полюбить того, кого племя велело убить. Это история о том, как не индивид, а разум и гуманизм стали изгоями...

ISBN 978-5-00-699854-4

© Ермолова А.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	11
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Освежatina

Анастасия Ермолова

© Анастасия Ермолова, 2026

ISBN 978-5-0069-9854-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Волочивший тушу человекообразный остановился, выдул носом так, что густая сопля пролетела полметра и впечаталась в подъездную стену и перехватил скользкую плоть. Пальцы его — с утолщёнными, жёлтыми, забитыми грязью ногтями — вдавились в конечность, оставив ямки.

— Няма-няма, — протянул он и, облизнувшись, двинулся дальше.

Обглоданная лестница, с островками бетона и зияющей пустоты, испещрённая следами нечистот и прошлых охот, распростёршись, принимала новые соки. Головёнка добычи шаталась из стороны в стороны и стукалась о выступы, белки в обескоженных глазницах подрагивали, а пальцы застревали, словно хватаясь за арматурины, и приходилось прикладывать недюжинные усилия, дабы втащить добычу наверх.

Стоило пересечь площадку шестого, появилась одышка, и казалось, что она исходит не только от носильщика, но и от ноши. На восьмом причина двойного дыхания прояснилась — спину догнал звериный рык. Волосы на затылке человекообразного встопорщились, но он не обернулся. Сплюнул в сторону, вновь перехватил труп и поволок выше.

Так, кряхтя и пытая от утомительного подъёма, обросший самец достиг тринадцатого, отодвинул шкаф и вошёл в пристанище. Сделал несколько размашистых шагов, оставив грязные пятипалые следы, и замер.

Пятнистая рыже-чёрная шкурка с серыми вставками, подпоясанная верёвкой из лыка, оголяла жилистые предплечья. В спутанных косе и бороде завалилась кладёз всяческих полезностей: и кости, и хрящи, и увядшие листья, и разнокалиберные хворостинки. В одной руке он держал заострённую арматури́ну, а в другой...

— Пять, — человекообразный обратился к подобному, что ковырял веткой в зубах, и бросил сочащееся красным тулово на пол. — Свежа-а́тина, — протянул он, перемолотил ноздри́ми воздух и облизнулся.

— Ни чавка? — у второго человекообразного голос звучал на пару октав выше, вероятно, женский. — Четыре чавка. Яба зная, живота боля три дня...

Самка сидела посреди бывшей кухни, от которой уцелели лишь ошмётки кафеля, и выдалбливала отверстия в крохотной куничьей шкурке. Из спутанных лохм выглядывала кость неведомого хордового, а горбатое, неотличное от мужского тело, прикрывали сваявшиеся до коросты лоскуты, местами настолько истончённые, что проглядывала землистая кожа.

Не отрываясь от работы, она щерила близко посаженные глаза, стреляя ими то на тулово, то на самца. Её шея, короткая и мощная, выросла в плечи и подбородок единым слитком мышц, лишив самку всякой лебединости. И в складках этой почти отсутствующей шеи, на потной, грязной коже, чернело единственное украшение — ожерелье из обугленных перьев и волчьих клыков.

— Маля понебел, — самец ткнул арматури́ной в щёку тулова, где уже расплывалось синюшное пятно, — тута. Бошка на вымет. Жало.

Он отбросил арматури́ну, высунул язык, уставившись на бескожую головоньку, и рванул из-за пояса кусок листового металла. Дунул на него, и обрушил лезвие на шею.

Голова отлетела от освежёванного сородича, образовав тягучую лужицу. Тогда человекообразный взял огрызок за ушной хрящ и швырнул в окно.

С улицы донёсся визг. Это гомун вцепился когтями в кусок человеческой плоти. Визги размножились, наседая на домовые глазницы десятком тембров. Мохнатые перебрасывали голову друг другу, точно та шпарила лапы, выясняя, кому достанется больший и лучший кусман.

Самец перегнулся через домовую глазницу, ныряя взглядом на тринадцать этажей вниз.

Где-то на шестом начисто обглоданную бошку разодрали на четыре симметричные части. Но охочих набить животы ещё имелось с дюжину. Гомуны, коим не досталась добыча, перемахивали ряды безликих окон по лианам вечнозелёного плюща и отчаянно взвизгивали.

— Зырь, гомун ща хлопа гомуна, — самец заржал, обнажив чёрные пеньки.

— Ха буя, — Яба махнула рукой и с размаху воткнула костяную иглу в шкурку. — Один хлопа, два чавка. Буя!

— Боля-боля, — самец скривился и покачал головой, — гомун боля, здесь живота, — и открутил ладонью по брюху мнимый час.

— Небо густя, — самка не поддержала шутку. Нахмурилась, кинула взгляд на дверной проём и отложила работу.

Человекообразный понял намёк без слов. Вздохнул с широко открытым ртом, всплеснул руками, брякнул под нос: «Кшыш!» и прошлёпал до лестничной клетки. Он встал перед острыми зубьями бывших перил и проорал:

— А-а, О-а!

Эхо заструилось, оттолкнулось от уровня земли и расцвело громоуханием выше.

— Здесь, — ответ пришёл откуда-то снизу.

— Вышевато! Квика!

— Семя гомун. А-а и О-а сидя, — прокричал ещё не сломанный голосок.

— Сидя, — произнёс самец, перегнувшись через зубья, и погрозил пальцем двум сальным макушкам.

То ли строение скелета, то ли чрезмерное оволосение, то ли первобытный страх, то ли исключительная глупость не позволяли гомунам ходить по лестницам. А потому, слышав визгливую тварь, двуногие тикали и пересиживали меж пролётами.

Можно было, конечно, перемахнуть через перила и миновать этажные площадки, но лестницы частично обрушились, образовав порталы, и лишь у стен ютились бетонные выступы. У одного из таких, между шестым и седьмым этажом, и сидело двое выкормышей, прижимая к груди охапки сушняка. Один постарше, белобрысый, ростом где-то с полтора метра, прятал за ветками красноватый переплёт, а второй совсем маленький, на две головы ниже, ковырял палкой стену.

Ночевать в пролёте им было не впервой. Порой приходилось пересиживать сутками и даже неделями. В какофонии возмущающихся пустотой желудков.

Увы, гомуны лезли в домовые глазницы, только когда следовало подлечиться. Ежели здоровый зверь ещё боялся резких звуков и людской брани, то, когда нападала хворь, в этих чудищах засыпал страх и накалялась злоба. «Бу ни, зля!» — так говаривали старшие.

Множество гомунов гнезилось в вечнозелёном плюще, опутывающем фасад. Тот обрывался где-то на середине двенадцатого, а дальше уходил вбок на пару метров и резко нырял вниз. Воздух ниже кристаллизировался от свежести, ведь плющ отфильтровывал все нечистоты. Но, опасаясь пасть жертвой острых когтей, пребывая в беспомощном сновиденье, человекообразные обосновались повыше, снарядив склады дров и найденной утвари в зоне роста зелёных побегов.

На тринадцатом разместилось восемь семей, заняв безликие комнатухи. Двери давно уж посрывали с петель и пустили в кострище, потому проёмы прикрывали куски профнастила. А когда в щели и окна вгрызался ветер, тела выстывали до костей.

Лишь один вход отличался — здесь дверью служил массивный шкаф с резными фасадами, чудом не преданный огню. Семейство ревностно стояло за его сохранность. Правда, подлинную историю реликвии забыли, зарубив главную истину: хранить и оберегать.

— А-а и О-а сидя, — начал человекообразный с порога и задвинул шкаф наполовину, — семя гомун, — он взял заскорузлую ладонь сородичихи и ткнулся в неё носом. — Два лежа? — он выразительно изогнул бровь, а в глазах проблеснул огонёк.

— Дохла понебея, — рывкнула самка, вырвала ладонь и кивнула в сторону трупa. — Ная жар.

— Вырла! — самец положил ладонь на пах, сморщился и вновь вышел за шкаф.

Миновав два лестничных пролёта, он вошёл в аналогичную по планировке квартиру. Только тёмную, прямо глаз выколи, из-за густой поросли за оконной дырой. Самец наощупь пробрался к схрону, сгрёб часть хворосту в охапку и снёс наверх, бросив посреди комнатухи.

Сородичиха уселась над кучкой, положила дощечку под колени и поставила на неё стержень из сосны. Накрыла тот ладонями и начала усилено проворачивать.

Самцу понадобилось пять ходок, дабы неотёсанная женщина довольно хмыкнула и приподняла уголки обезображенных шрамами губ.

Стержень дал искру и в голостенном пристанище затлел, а затем разгорелся костёр. Пыхнуло жаром.

Самец повертел безголовый труп и отсёк конечности, а после порубил их на четыре кучки, насадил куски на ржавые прутья и повесил над кострищем. Языки пламени касались плоти, превращая её в соблазнительные угольки, а в ноздри человекообразных проникал ароматный дымок. Пока ужин готовился, они изошли слюной и то и дело облизывали пересохшие губы.

Самка накромсала ягодичные мышцы и часть жирного брюшка в два проржавевших чана.

— Жиряк ная топя. Деся опута, — Яба покачала головой. — Тута жиряк, — она ткнула в один чан, — тутла пойло бую, — ткнула в другой. — Тем, ная мокря, — она кривовато улыбнулась и приказала: — Нося!

Самец дошлёпал до балконной плиты, подхватил обеими руками деформированную жесть от бывшей вывески, вернулся к сорочихе и слил дождевую воду.

— Два лежа? — он вновь попытал счастья.

— Ни. Туля гомун, — Яба кивнула в сторону искромсанного обрубка. — О-а и А-а выше-вато.

— Жало, — самец нахмурил кустистые брови. — Хай сидя, — и махнул рукой. — Самцы!

— Иг! — вероятно, прозвучало имя человекообразного.

Самка рывкнула настолько сурово, что Иг весь сжался, схватил тулово и понуро понёс вниз.

На площадке седьмого он приосанился, выпятил грудь и, выставив покоцанное тулово вперёд, встал на ступень ниже. До ушей донеслось рычание, и все волоски Ига — головные, ручные, ножные, ушные — встали на дыбы. На трясущихся ногах он опустил на ступень.

И ещё на одну.

В дверной проём сунулась мохнатая бошка. Существо с кирпичной мордой расширило ноздри и втянуло аромат свежатины. Длинный шершавый язык с выпирающими сосочками высунулся, хищно облизнул верхнюю губу, прочертив параболу, и втянулся с чавкающим звуком. Челюсть гомуна вильнула, преобразив рот в жалко-жалостливую полуулыбку.

Но Ига эта жалкость не расслабила. Он знал, сразу за полуулыбкой гомуны хохлятся и бросаются на беззащитных жертв. Правда, это только по слухам, на своём веку он не видал ни одного случая нападения мохнатых.

Шёрстка гомуна, искрящаяся на закатном солнце оранжево-красным, уже вздыбилась, когти протянулись в сторону незваного гостя, а глазницы будто насадили человекообразного на вертел. В уголке рта проблеснула вязкая слюна, поползла ниже и тугой каплей ухнулась на пол.

Дрожа всем телом, Иг стоял на предпоследней ступеньке. Он, не спуская взгляда, мягко опустил тулово, глубоко поклонился и попятился. Гомун лениво продефилировал ближе. Обнюхал дар. Внимательно осмотрел Ига. Воткнул коготь промеж труповых рёбер и унёсся прочь, выпрыгнув в домовую глазницу и повиснув на корневище плюща.

— О-а, А-а! — прохрипел Иг и сглотнул. Голос набрал силу: — Вышевато! Ни гомун! Вырыгнул!

Послышался влажный топот. Когда два небольших человекообразных приблизились к отцу, тот отвесил им по подзатыльнику.

— Тулово жало. Сидя и сидя, — самец покачал головой. — Животя?

Мальцы заулыбались, а из впуклых животов донёлся утробный звук. Пробурлил на манер горна партию и легонько присвистнул по окончании. С последнего пайка прошло уж четыре ночи.

— Птах? — А-а, тот, что постарше, облизнулся.

— Свежати́на.

Выкормыши переглянулись. Они вмиг вспомнили, как крутило животы после Четыре. Непереваренная еда выходила фонтаном верхним и нижним этажом, иногда даже одновременно, а плоть будто пронзали и выкручивали острые коготки гомунов. Агония и душераздирающие вопли три дня пронизывали безликость бетонных стен.

Соседи даже обратились к старцу, дабы тот распорядился о подготовке берестяных саванов, но семейство поправилось, поклявшись впредь никогда не употреблять «чавкающих». Так они прозвали синюшные пятна, что шкворчали на костре, издавая канонаду «чавков» и выстреливая жижей в стены. А о приступе всё ещё напоминало зловонное амбре, намертво впитавшееся в толщу перекрытий.

— Бо-бо, — младший показал на живот и одноразово хныкнул, не переходя в истерику. Так сказать, кинул предупредительный хнык.

— Пять ни небел. Небел бошка. Иг чик, — самец махнул листовым металлом, — гомун дая.

— Гомун ам, ни свежа, — протянул старший на площадке одиннадцатого. — Ке свежа?

— Финке зря, — ответил отец. — Бошка бо-бо, — он перехватил хворост у О-а и откинул на склад.

Старший прошлёпал следом. Он сделал шаг, и тайный груз выскользнул из-под веток и брякнулся о пол. На звук обернулся Иг. Взгляд упал на красный корешок, глаза заискрились, и он воскликнул, выставив большой палец:

— Жар буя! Во!

А-а рыкнул от бессилия, ибо занятые руки не дали подобрать сокровище. Он кинул выразительный взгляд брату, мол: «Спасай!», но тот погрузился в песнопение и покачивание головой: «Буя жаря, жаря буя, безживотя ни буя...».

Отец со старшим сыном скинули дрова и обернулись к площадке. Шаги Ига ширились пуще шагов А-а, потому отец добрался до корешка первым. Нагнулся, подобрал и, не прикладывая ни йоты усилий, вырвал всю сшивку.

А-а закусил губу. Он не хотел расставаться с находкой, отвоёванной с боем у сопротивляющегося дупла. Оно прогнило и каждый раз, когда выкормыш силился поддеть книгу, осыпало руку трухой. Природа не сохранила дерево, но шершавый кожаный переплёт защитил глянцевые страницы. Всю дорогу из чащи А-а, несмотря на неустанные дёрганья брата, молчал и обсасывал: «Ке ставя жар? Кильке Лун, зим летя? Люд ли, ни люд ли?».

Он чувствовал в страницах целый мир, но не находил слов, дабы описать и обдумать.

Последнюю книгу А-а показывал дед. В тот день они сидели у кромки чащи. Солнце ещё пригревало, но деревья уже сбрасывали последнюю листву. Старик водил пальцем по картинкам и рассказывал историю, а малец четырёх зим отроду внимал, развесив уши.

Ту зиму дед не пережил. Скончался от безживотия. Мать погоревала денёк и без зазрения предавала чтиво огню. А в наследство достались лишь нажимная буквица, которую дед ласково называл: «Квертей» и резной шкаф. Благо, А-а успел выучить назубок историю о курочке и

золотом яйчке. Правда, ценности золота он не понимал, да и куриц никогда не видывал, но благодаря картинкам уразумел, что они — разновидность птахов.

Примостившись у кострища, человекообразная семейка набила животы, вгрызаясь в поджаренные конечности. Самка с упоением обгладывала пальцы, а самцы и выкормыши взяли что пожирнее: бёдра да ножки.

— Семя дня хва, — самка разложила остатки на ровные кучки. — Нова жиряк и пойло щё. Яба дея, — она довольно оскалилась и поставила оба чана на угольки.

Пока семейство наслаждалось пищей, прикрыв глаза от удовольствия, старший вытянул из кострища обугленную с уголков страницу. Единственную из выживших. На ней было изображено чудище, наверное, в два человеческих роста с огромными конечностями и с острыми обнажёнными клыками.

А-а смекнул, на бумаге изображён тот, кто в последние дни снимает кожу с сородичей. Выше, над рисунком, паренёк разглядел буквы, но не смог их распознать.

Он отполз от кострища и достал из-под лежанки, сбитой из лапника с кучей тряпья, припрятанную буквицу. Поднёс ту к лунному росчерку, пронажимал, напевая под нос, как поучали, порядок от «Й» до «Ю», подражая дедовому выговору; скользнул взглядом на рисунок и обратно — на знакомые закорючки. Губы беззвучно шевельнулись, складывая странные звуки в чуждое слово: «Вам-пир».

А-а сгрёб пожитки в беспорядочную кучу и зарылся в неё с головой, поджав колени к животу, всё ещё полному горячей пищи. Перед глазами стоял рисунок: ни гомун, ни зверь. Нечто иное. То, что наверняка не боится лестниц. Последней мыслью, прошившей мрак, стала: «Нова боля. Нова хлопа. Зля».

II

Утром, когда небо озарилось рассветом, в оконные дыры повалил снег. Его швыряло ветром, и он заносил пол, припорошивая угольную пыль и вычерчивая белые полосы.

Семейство проснулось в приподнятом настроении, ибо утро всегда доброе, когда стены источают ароматы зажаренного мяса и кострища.

А-а потянулся, пригладил облезшую шкурку, что едва достигала колен, выудил камень с куском листового металла и начал обтачивать, как поучал отец. Яростные движения влѣк страх, разбавленный с любопытством.

Ночь, полная кошмарных видений будто переродила мальчишку, он чувствовал себя уже не выкормышем, но самцом.

Доведя орудие до блеска, А-а взглянул в отражение. На губы налип человеческий жир — признак довольствия, гордости пред сородичами, а из носа торчал плотный чѣрный волос. Сердце А-а зашлось. Он поднял руки, осмотрел правую и левую подмышку и взвизгнул, подскочив на месте.

Семья слетелась на мальчуковый крик. А-а вновь и вновь подымал левую руку, тыкал в проклюнувшийся волосок, а родня осматривала место преступления.

Наконец, отец выдохнул и подвѣл итог собрания:

— А-а лохматя! Терь Иг ыда Юм, — он почесал за ухом. — старя дая добро. А-а хлопа. Тем, самец! — он ухнул и трижды простучал по груди.

— Нова шкурка! — младший подпрыгнул и захлопал в ладоши. — А-а буя нова шкурка! О-а бря шкурка А-а!

— Вырла! — взревела мать и качнула головой, обхватив щѣки чѣрными из-за угольной пыли пальцами. — Мал, кой лохматя?

— А-а хлопа! — будущий самец сжал ладонь в кулак и задрал руку.

Отец ухватился ногтями за волосок и резко выдернул. А-а не вскрикнул, лишь слегка поморщился.

— Самец! — Иг похлопал сына по плечу и вышел за шкаф, что с ночи забыли придвинуть на место.

Он убѣг, сжимая волосок большим и указательным, бесперебойно голося: «Лохматя! А-а лохматя!». Из проѣмов отодвигались листы профнастила и высовывались соседские макушки. Они ухали и стучали кулаками по груди вслед новоявленному отцу самца, приправляя возгласами: «Хлопа! Хлопа! Хлопа!».

Иг вильнул в подвал и чрез него проник в соседний подъезд. Взобрался на пятнадцатый, упѣр ладони в бѣдра и последний раз прохрипел: «Лохматя!».

Сородичи ходили на аудиенцию к старцу по всевозможным событиям: назначению брака, принятию младенца, наречению выкормыша, подготовке берестяных саванов и, как сейчас, неотвратимости взросления. Старец не то, чтобы слыл самым мудрым или самым справедливым членом племени — он попросту был самым старым.

Юм выглядел до невозможности дряхлым. Лицо стягивала сетка морщин, уголки губ тащили невидимые грузики, воспалѣнные дѣсны давно растеряли зубы, глаза застилала пелена катаракты, а промеж бровей углублялась в небытие Марианская впадина. Казалось, стоит коснуться пальцем, и к подножию падѣт песчаный бархан.

Старцу шѣл уж пятидесятый год, а столько человекообразные не живут.

Когда кусок металла отѣхал в сторону, и бельма старца встретились с Иговыми зрачками, отец выставил доказательство оволосения сына. Старец обвѣл кудный волос белѣсым взглядом, ощупал тот сморщенными пальцами и прошлѣпал губами:

— А-а ыда чаша. Взятя рызля и хлопа. Тем, кады шкурка дѣта, — он сдул волосок, — Самец! — и трижды простучал по груди.

Иг повторил за ним и ухнул.

Старец дал добро на обряд инициации, в ходе которого выкормыш должен собственно-ручно убить хищника, снять с него шкуру, водрузить оную на плечи и только тогда воротиться. Воротиться победителем.

Тогда племя признает самца. Он сможет охотиться наравне с остальными, вступать брак, заводить потомство и отращивать косу — символ силы и мужества.

А-а мечтал о пятнистой шкурке. Но какой выкормыш мог сразиться с таким мощным зверем? Опытные самцы-то, и те тушевались.

Вот папка смог, но получилось только после череды неудач и серьёзного ранения. Первенцем Ига стал волк, а позже к нему подтянулись ещё две серые шкурки. По дому гуляла молва, будто в ту зиму стояла такая дубачина, что инициация Ига заняла целую Луну. Самую мучительную и голодную Луну его жизни.

Скорее всего, и А-а обзаведётся волчьей или, если повезёт встретить, лисье-волчьей шкуркой. Но воображение рисовало, как он лихо отбивается от мирских тварей. Как-то А-а даже представлял поединок с гомуном, где на последнем издыхании протыкал мохнату сер-дечную мышцу.

Будущий самец готовился к инициации суетно: то хватался за арматуру, тренируя удары и броски; то забивался перебирать пожитки; то снимал развешанные шкуры, изучая материнскую выделку. Наконец он осел у пепелища и начал густо вымазывать стопы растоп-ленным жиром и золой.

— Вылазя! — О-а дёрнул брата за руку. — Чаша! Дём!

— Ни, — парень смерил брата взглядом, покачал головой и вернулся к натиранию стоп.
— А-а — хлопа. О-а — сидя здесь, мал.

Малец удалился к своему углу, порылся в тряпье, выудил авоську, сплетённую из обрыв-ков полиэтилена, и вернулся.

— О-а нося, — он поднял сетчатую сумку, и жалобная ужимка перекосила и без того разнопосаженные глаза. — Жар нося, гриба нося, птах нося...

— Сидя, — шикнул А-а.

В глазах мальчика заблестели слёзы. Он снова потянул брата, упрямо мыча: «Нося! Нося! О-а нося!».

Конечно, А-а хотел пойти в компании, ведь досель никогда не приходилось ему ступать на опасную территорию в одиночестве. Но А-а понимал, охота может занять несколько Лун, и пока дело не сделано, в родной дом ему ходу нет. Какой самец может подвергнуть такой опасности выкормыша?

Он поднялся, потрепал брата, и рука коснулась ямки на темени. Тут же шрамы на спине накалились, а память врезала обухом:

Вот, едва наречённый, трёхлетний О-а, играючи, убегает от нахмуренного брата, кричащего: «А-а силь!» и поскальзывается на новёхонькой пятнистой шкуре, сваленной Игом в углу. Время оборачивается смолой: тело накрывается, нога подлетает, голова встречает под-оконный выступ, и О-а обмякает.

Тишина звучит гульче крика. А-а цепенеет. Иг дёргается, подскакивает, приближает листовой металл ко рту сына и свирепеет. Свист розги, раз за разом приходящий на спину А-а, возвращает О-а из небытия. Мальчик всхлипывает: «Ни битя А-а. Битя О-а. А-а ни винат!». Но розга, размером с Игов указательный, не останавливается. Она хлещет, пока не сдирает кожу догола, сполна взяв плату за недосмотр.

Старые раны ныли, напоминая, чего нельзя допустить вновь.

— А-а ыда чаща адын, — протянул он и поднялся на корточки. — Чаща — бу, ни опута. Ждя, — он легонько стукнул костяшками по груди брата, заставив того поднять взгляд. — Буя чаща, А-а нося О-а шурх. Тем, О-а буя нова вязь. Битя? — он выставил ладонь.

Малец вздёрнул голову, помычал с минуту и обрушил ладошку на пятерню брата. Обещанные дары смогли его успокоить. А-а брякнул напоследок «Нова вязь!», достал запрятанный кусок берёзовой коры, где углём были выведены буквы «О» и «А», вручил брату, хватанул авоську с оружием и вышел.

Его сверстники, даже запоздалые в рождении, уже оперились, в смысле — олохматились. Один А-а битые Луны разочаровано осматривал лысые подмышки, надеясь, что вот сейчас сиротливый волосок воспрянет духом и пробьёт юношескую кожу. А тот всё не спешил.

Соплеменники уж начали показывать пальцем и гоготать над недоразвитостью. Особенно молодые самки.

Не то, чтобы А-а до безумия желал стать самцом. Кому ж придёт в голову покончить раньше с периодом выкормыша? Кто захочет взвалить на плечи ответственность за полноту семейных желудков? Никто. Но мало кого прельщает наличие статуса отщепенца, недоразвитого примата и вечного дитя. Потому, заполучив вожаденный волосок, А-а хотел кричать об этом всему миру. Нашлись бы только слова.

Спустившись на уровень земли, сын перекинулся взглядами с Игом. Тот поджал губы, пробасил: «А-а — чаща. Буя силь!», и они стукнулись кулаками.

А-а спрыгнул с пролёта, отодвинул преграду и, согнувшись в три погибели, выполз в подвал. Сразу на улицу — сродни самоубийству, ибо, где раскинулся плющ, там выют гнёзда гомуны, охочие до человеческой плоти.

В подвале пахло сыростью и нечистотами, а бетон изъедала чёрная плесень. На торцевой стене зияла выбоина и прорытый земляной лаз. Наведя глазной прицел на треугольник света, А-а решительно пошёл вперёд, но столкнулся плечом с сородичихой.

— Вырла! — прорезался тоненький девчачий голосок. — А-а, ширь зенки!

— Эя — вырла! А-а — самец! — он простучал кулаками по груди.

Девчонка захохотала, скрючилась и схватилась за живот.

— Куниц хлопа? — протянула она, прерываясь на смеховые конвульсии.

Эя олохматилась пять Лун назад, хотя родилась на три Луны позже, и носила красивую лисью шкурку с высоким ворсом из четырёх собственноручно приконченных лисиц. В первый же день набрела на целое скопище крупных особей. Удачливая.

Правда выделка заняла пять ночей. Длинные белые жилы с хребтов она выдрала, высушила на ветру, а потом размочила и расщепила пальцами на прочные нити. Скоблила мездру¹ камнем до тех пор, пока шкуры не стали мягкими и тонкими. Втирала жир и мозги, выбранные из лисьих черепов. Затем сбила раму о четырёх кольях, растянула на ней шкуры и коптила над кострищем, ежечасно подбрасывая дубовую кору. От той работы глаза щипало до слёз. Но шкурка выделки стоила. В завершении Эя заострила обломок кости о камень и продырявила им края шкур, чтобы скрепить жилами на живую нитку и воротиться к сородичам.

Мясо лисиц девушка отдала старцу, но печёнку, сердце и потроха употребила сама, дабы не издохнуть от безжизноты в чаще. Она воротилась самкой. Пахнувшей дымом и смертью.

За ней тут же начали рыскать самцы, чуя плодовитость и силу. Ещё бы, тело Эи дышало сытостью, что подтверждал упругий жирок на бёдрах и животе. Широкая кость говорила о возможностях таза, а крупные крепкие зубы могли разгрызть любую хрящину. Но отец девушки, Уд, всех желающих счёл недостойными. Уж не раз А-а слышал, как очередного женишка спускали с лестницы под грозный рык Уда и хохот дочери.

¹ Мездра — слой подкожной клетчатки на невыделанной шкуре животных

Та же насмешка сейчас играла в её глазах.

— А-а хлопа гомун! — парень выставил пальцы и пошевелил ими, имитируя острые коготки.

— Гомун выха-хачит внутри. Лопа — внутри на шкурке, — Эя снова заливисто захохотала, приглаживая меха.

А-а насупился, нырнул в земляной лаз и вышел на поверхность, Эя юркнула за ним. Парень остановился, пристально вгляделся в девушку и, когда та вильнула вправо, развернулся и побежал в обратную сторону.

С зеленых стен многоэтажки раздавались визги и уханья гомунов. А-а, хоть и страшно хотел заполучить уважение сородичей, не рискнул вязываться в схватку со стаей и пошёл в сторону чащи, где водились твари поговорчивей.

Сегодня лес наводнялся человекообразными. Тут и там А-а встречал пятипалые следы, взрыхляющие порошу, раздавленные строчки и островки жёлтого снега. Он даже наткнулся на раскуроченное гнездо с перьями птаха. Собрал находку в авоську, дабы мать смастерила новые бусы, а братец обещанную головную повязку, и двинулся дальше.

Чего на снегу не наблюдалось, так это следов хищников. Ни волчьих, ни лисьих, ни даже кунчих. А-а успел истоптать ноги, пять часов шныряя по лесу; потянуть спину, пробираясь через бурелом; и получить хлёсткую затрещину от взбрыкнувшейся ветки. Тело саднило, а долгожданная схватка не мелькала на горизонте.

А-а остановился на привал. Наскрёб в авоську дубовой коры, присел на бревно, наклонился, зачерпнул в ладони снега и оросил лицо, после — отломил сосульку с ветки и разгрыз. Глаза, привыкшие выискивать движение, безучастно скользили по заснеженным кронам, спускались к стволам, буравили перспективу. Время тянулось гудроном: то ли минута прошла, то ли час, то ли целая вечность. Он сидел так, пока меж деревьев не мелькнул кончик рыжего хвоста.

Парень медленно поднялся. Натянулся струной. Выставил острйё.

Он начал ступать еле слышно, вторя четырёхпалым следам. Шёл по проталинам, дабы не подводил снежный хруст. Старался дышать в такт биению сердца. Осторожно отодвигал ветки.

Так, мягкой поступью, он добрался до хитрой морды.

Лисица потчевала птахом, пока А-а, вздёрнув острйё, готовился обрушить удар на первую жертву. Едва мальчуковое тело дёрнулось, из-за куста вынырнула Эя и бросилась на зверя, в мгновение ока вспоров тому грудину. А-а сжал кулаки и хотел уже навалиться на несносную самку, но та сделала кувырок, встала на четвереньки и уставилась на что-то в оцепенении.

А-а сощурил взгляд. Сквозь непроглядную чашу отливала серебрением расплывчатый контур со сверлящими прорезями. Сердце зашлось. Этот взгляд точно указывал, перед ними — гомун. Парень отодвинул Эю, заслонив собой, и вскинул лезвие с арматуриной, готовясь к схватке.

В уме он уже примерял берестяной саван.

Зверь сделал несколько ленивых шагов и остановился. Глаза гомуна сверкнули недобрым. Он взрыл землю задней лапой и понёсся на всех порах прямо на парнишку. А-а прицелился и метнул арматурину, но зверь вильнул и металл вошёл в поросшую ягелем кочку.

За два метра до цели гомун взвизгнул, нахохлился и в один прыжок повалил нескладное тельце в порошу, пригвоздив лапами. А-а зажмурился, ожидая кончины.

Гомун снова взвизгнул, замахнулся и обрушил когти на мальчуковое предплечье. Глаза заволокло пеленой от боли, и А-а взвыл. Но вместе с тем, в угловатом теле проснулась невиданная доселе ярость.

А-а поднял здоровую руку с лезвием и воткнул в шкуру в районе сердца. Острйё оставило на мохнатом лишь небольшую царапину. Тем не менее, гомун взревел и выгнул торс, вырвав когти из мальчиковой руки.

Конечность обдало жаром. Но на адреналине боль тут же схлынула. Парень прокатился по земле, подобрал увесистую палку, вскочил, весь облепленный снегом на ноги, и начал отмахиваться от атак. Гомун не сдавался. Напирал, выпуская когти, и скалился, а А-а успешно отскакивал. Схватка походила на заученный танец. Дыбы — разгон — прыжок — отскок — дыбы...

Когда гомун бросился в очередной раз, А-а сменил тактику, и почертил палкой перед мордой гомуна, взметнув слепящую завесу. Гомун пошёл тараном на противника, но запнулся задними лапами и повалился на спину. Поднялся столб вспененного снега.

Немедля ни секунды, А-а напрыгнул сверху и воткнул остриё в глазницу. Гомун завизжал пуще прежнего, а с дыры, бывшей когда-то глазом, потекла струйка крови. А-а вырвал лезвие и обрушил его на второй, пока ещё здоровый глаз. Гомун обмяк, но А-а не останавливался. С яростным кличем: «Ша!» подымал и обрушал лезвие снова и снова, пока серебристая шкурка полностью не окрасилась в красный.

А-а слез со зверя, упёр руки в бёдра, отдышался и осмотрел место происшествия. Гомун больше не дышал. Из-за берёзового ствола вынырнула Эя.

— Гомун, — протянула она и с немым вопросом глянула на А-а.

— Хлопа. А-а хлопа, — парень нагнулся и попытался рассечь грудину, дабы снять шкуру, но та не поддавалась.

— Здеса, — прошептала Эя и ткнула на рассечённую область в районе живота.

А-а отошёл, взглянул на умерщвлённого гомуна и задумался. Он хорошо помнил, как лезвие не прошло сквозь жёсткую шкуру, а значит, не он вскрыл чудищу тулово. Скорее всего, А-а сражался с уже раненым зверем, что снижает градус геройства. Но что-то, а падать в глазах Эи он не хотел, потому предпочёл промолчать, продолжая храбриться и напускать важность.

Он начал рассекать красную переливистую шкуру. С трудом, но она поддавалась, благодаря вскрытому нарыву. Освежевав гомуна, А-а обернулся. Эя стояла, зажав ладонью рот.

Парень подошёл к девушке, неуклюже положил руку на талию, взглянул на обесшкуреного гомуна и вздрогнул.

На поляне лежал один в один освежёванный человек.

Доселе ни у кого не удавалось убить гомуна. Что говорить, не удавалось даже ранить. Во всяком случае, никому, кого бы знал А-а и его соплеменники. Тем не менее, за последнюю Луну один только Иг принес в пристанище пять человеческих тел, начисто лишённых кожи. Неменьший улов встречался и у соседей, особенно у Эиной семьи, так как там было целых два взрослых охотника.

После первого тулова, обнаруженного в чаще, соплеменники искали пропажу, но все знакомые лица оказались на местах. Мало ли других племён на свете водится? Наверное, не мало, но никто с ними никогда не сталкивался. Тем не менее, рассудили так. Рассудили и съели, ибо незнакомцев жрать неззорно.

А-а вырвал арматури́ну, вложил листовой металл за лыковый пояс и, кряхтя от натуги, набросил сырую шкуру на плечи. Ворс гомунов был длиннее и гуще, чем на всех знакомых животинках, а оттого тяжелее.

Парень знал: завет предков велел остаться в чаще, выделать трофей, потратив на то пару-тройку ночей. Но он видел челове́чье тело под шкурой гомуна. Видел и не мог задержаться, не мог не принести правду сородичам.

Нарушив уклад, малец в красных мехах, в одночасье свершивший немыслимое, нагнулся, схватил обесшкуренное тулово за сухожилия и поволочил в дом, оставляя на снегу багряную полосу.

Эя шла рядом бездумно, как тряпичная кукла, напрочь позабыв освежевать недавно приконченную лисицу. Больше девчонка не смеялась. Она смотрела на А-а взглядом, полным уважения и какого-то трепета. Её пальцы шарили по рыжим мехам, в поисках опоры.

— Шкурка сопля буя, — брякнула Эя, тыча пальцем в лохматую ношу. — Эя пять густей дая жар.

А-а передёрнул плечом, поправив сползающую шкуру, лишённую выделки, и его голос сорвался на крик, в котором смешались тревога, раздражение и торжество:

— Ни жар! Дохла важня! А-а зная, гомун дета, люд ни дета, — он встряхнул головой. — Кады А-а ыда Юм, кады Юм зная, люд зная, тем буя жар!

Эя кивнула и опустила взгляд. Молча, каждый в своих думах, они добрались до кромки чащи.

Там, за кустами, пару поджидал сюрприз из дюжины оцепеневших гомунов. Завидя охотников, гомуны зашевелились, вздёрнули морды и оглушительно завизжали.

Эя зажмурилась, ожидая скорой кончины и обняла А-а, вжавшись в него изо всех сил. Когда визг стих, один гомун приблизился: обнюхал человекообразных, пыхнул горячим паром в лица, коснулся влажным носом лба А-а, довольно кивнул и поклонился. Стая поклонилась следом, а после расступилась, выстроившись в две шеренги.

— Гомун хлопа Эя и А-а, — шепнула девушка и зажмурилась. — Пустя и хлопа.

На эйфории от разгромной победы, А-а сурово оглядел ряды гомунов и прошипел:

— Сидя! Т-с-с!

Он не ожидал реакции, но внутреннее чутьё подсказало: так надо. Гомуны взвизгнули и вновь поклонились.

Так пара человекообразных прошла по живой аллее без происшествий и спустилась в земляной лаз. Никто их не тронул, никто не двинулся следом...

III

Победа над гомуном быстро стала притчей во языцех, облетев каждое пристанище и все окрестные подъезды. Человекообразные шептались, передавая историю из уст в уста, и с каждым разом байка обрастала подробностями. Подробностями односложными: вроде количества кокну́тых гомунов (дошло до цифры пять, ибо так проще показывать на пальцах) и длительности схватки (кто-то брякнул про три Луны и понеслось). Но в какой бы версии соплеменники не слышали рассказ, неизменным оставалось одно — то уважение во взгляде, каким стали провожать А-а.

Обесшкуренное тулово А-а доволло до старца. Что Юм, что соплеменники поохали да поахали, над преображением мёртвого гомуна и успокоились. Тайна неопознанных находок раскрыта, зачем же дальше ломать голову? Так бошка бо-бо.

Сколько бы А-а не морщил лоб, затягивая очередное: «Гомун аки люд», ровно столько же равнодушия он и встречал — никого этот вопрос не волновал. А вот сочащиеся тулова вспоминали часто бурлящие животы и слюнные железы. Никто впредь не встречал в чаще свежатины.

Ту, последнюю, нарушив все предписания, А-а разделал прямо в логове старца. Выкорчевал жилы, собрал кости, потроха и черепушку в авоську и отдал съестное тулово. Последующие три дня парень ночевал в чаще, и воротился уже настоящим самцом в выделанной гомуновой шкуре.

Спустя две Луны первая боевая рана зажила, оставив вздутый красный росчерк. А-а гордился отметиной и осознанно размахивал покоцанной рукой пред глазами сородичей. Братец смотрел на шрам с завистью, Эя с трепетом, а родители с гордостью.

Будучи инициированным самцом, А-а расхаживал по дому и чаще выпятив грудь. Снискав уважение среди сверстников, он вместе с ними подтрунивал над недоразвитыми выкормышами, кому только предстояло пройти испытание; а снискав уважение среди гомунов, он выходил из дома не через подвальный лаз, как остальные сородичи, а через головной вход. Мохнатые перестали на него скалиться и лишь приветственно повизгивали, завидев охотника.

Свобода передвижений сподвигла А-а изучать окрестности. Он гулял по бетонным джунглям; вальяжно входил в оплётённые плющом дома — как малоэтажные, так и гвоздящиеся в небо. Там он находил сокровища: цветные корешки с калейдоскоп букв, слов и предложений. В истлевших библиотеках большинство рассыпалось в руках, но некоторые, укрытые грудой хлама и бетона, уцелели. Хрупкие, пожелтевшие страницы с несколько размазанным, но читаемым текстом, победили само время, а оттого казались А-а ценнее свежей дичи и качественной шкурки.

Схрон А-а организовал прямо под козырьком родного подъезда. Из-за переплетений плюща сородичи туда не совались, а гомуны не имели нужды в горючем.

Со временем А-а начал различать визги. Не дословно, конечно, но интонационно. Протяжные и высокие здоровались, гулкие и короткие прощались, а наслаивающиеся предупреждали об опасностях. Третий звук он услышал, когда, протискиваясь под окнами, с высоты шмякнулся кусман балконной плиты. Визги заставили А-а отскочить и оторопеть.

Спустя ещё две Луны парень перестал появляться в четырёхстенном коробе, предпочитая ночевать под звёздами. С семьёй он виделся только когда заносил добычу или встречал в чаще.

Перед закатом, когда небо начинало густеть, парень доставал один из найденных корешков и уходил подальше от надоедливых визгов, к самой кромке чащи. Расчищал снег, подкладывал резиновый коврик из разрезанной автомобильной шины и садился, положив разворот на колени. А-а рассматривал картинки и, сверяясь с буквицей-квертей, читал. Читал, пока темнота не накрывала с головой.

Так шли месяцы, наступая друг другу на пятки и оттаскивая предшественников за хвосты. Через шесть Лун после инициации на счету А-а было семь значимых побед. Он обеспечил новыми пятнистыми шкурками маму, брата и Эю. Правда, выделку оставил самкам, ибо что мать, что Эя, постоянно бранили парня за кривой шов: «Тутла кривь! Ширь зенки!» — причитали они.

В одном из скособоченных домишек А-а обнаружил необычную книгу. Там рассказывали не истории, а писали инструкции.

За время, проведённое с буквами, А-а научился сносно складывать те в слова и вычитал, как изготовить птичий капкан. Раздобыв обрезки пакетов, он сплёл из шнуров немудрёные удавки. Концы петель привязал к молодым ветвям за многоэтажкой — иве, орешнику, рябине — что, распрямляясь, вздёргивали добычу. Под каждую петлю он подложил приманку из откопанных червяков.

Впредь семейство не испытывало голода и всегда ходило с полными животами, каждый день получая по свежему птаху, а у А-а появилось свободное время. Второго птаха он отдавал Эиному семейству, потому, усевшись под красным диском, А-а сумел научить читать и её. По слогам, неуклюже, только короткие слова из самых простых букв, но научил.

Третий птах отдавался гомунам. За это они подбрасывали под козырёк колотые орехи и съестные коренья.

Эя не рисковала привлекать внимание мохнатых, потому не составляла компанию А-а в его сумасшедших походах, но каждый раз присоединялась, когда он шёл в чащу или сидел с книжкой вдали от домов.

Не то, чтобы девчонку влекли отсыревшие страницы, истории и буквы, она просто порывалась быть ближе к герою. Рядом с ним её глаза искрились, а щёки алели.

Так как в лесу перестали появляться освежёванные тела, сородичи оголодали. Соплеменники уходили на охоту с рассветом и возвращались с закатом, зачастую с пустыми руками. На лицах стал перемежаться гнев со страхом издохнуть от безжизноты.

В один из самых обыкновенных дней, А-а подымался по лестнице с двумя общипанными птахами. На пути он встретил старца, что стрелял по сторонам невидящими зрачками и суетливо размахивал руками.

Юм остановился, окинул белёсым взглядом А-а и произнёс:

— Уд ыда хлопа, — он сделал многозначную паузу. — Уд ни воротя. Чаша живота Уд.

Начитанного А-а, а он успел за жизнь прочитать целых четыре книги, не считая инструкций, коробил местный диалект и каждый раз он переводил фразы сородичей вслух, раздражая собеседников напускной учёностью. И, как бы он не старался вложить в головы частичку знаний и высокопарности, соплеменники продолжали, будто назло ему, говорить оскоплённым наречием.

— Уд идти умертвлять и сгинуть? Чаша поглотить Уд?

— Мона говоря.

— Сие речение, однако, правдив, — А-а почесал безволосый подбородок. — Давно ль оное ключилось?

— Три, — старец показал сморщенные пальцы. — Небо ни густя...

— Три день минут? Улинуть до густой наступи?

Старец цыкнул и обречённо кивнул.

— А-а пуститься до Эи со всей прыть, мы сотворить кой-то! — парень хлопнул старца по плечу и унёсся наверх.

Семейство Эи проживало на семнадцатом, под самой крышей. Уд был отцом девушки. Он прославился как отличный охотник, и четверо детей его следовали по отцовским стопам. Уд единственный в племени носил чёрную лоснящуюся шкурку, ведь другие не рисковали выходить на охоту под звёздами.

А-а давно хотел прийти на поклон, чтобы просить возлечь с Эей, но побаивался Уда, чей взгляд разрезал пополам, а ручищи ширились пуще отцовских. А сейчас он пропал. Он, самый мощный и, вместе с тем, юркий член племени. Непревзойдённый охотник. Неподступная скала.

Страх окутывал подъездные стены, ибо, раз чаша поглотила лучшего, на что надеяться остальным? На памяти А-а такие пропажи ничем хорошим не оборачивались, и в чаше находили лишь обглоданные останки или следы вовсе исчезали на бесконечные Луны.

Ввалившись на семнадцатый, А-а увидел скученную толпу, что обступила пристанище Эи. Старший мужчина семейства, Эин брат, Ам, раздавал указания, переставляя сородичей в три равные кучки, и показывал размашистыми ручищами направление поисков. Первая группа шла из лаза направо, вторая — прямо, а третья, соответственно, налево. Прочёсывать чащу куст за кустом, дерево за деревом, поляна за поляной, бурелом за буреломом.

Лицо Ама словно высекли топором: покаты́й лоб нависал над щёлками глаз, а массивная челюсть с выпяченными серо-жёлтыми резцами двигалась безостановочно, будто перемалывая воздух. На щеке, чуть ниже запавшего глаза красовался огромный волосатый некус. Как вторая голова, некус жил своей жизнью — бугры его колыхались при каждом движении, а загибающиеся курчавые волоски стремились дотянуться до собеседника.

Жена и дитя не пережили естество рождения, но это не то, что не огорчило, а только закалило Амов характер. Новую пессию он присматривать не спешил, в семействе стояла задача поважнее — пристроить Эю.

Приметив уха́жера сестры, Ам приблизился к А-а. Взглянул исподлобья и выпятил грудь.

— А-а, — Ам выставил кулак. А-а стукнул в ответ. — Буя здесь. Мал, — он погрозил пальцем и, вторя ему, волоски с некуса качнулись из стороны в сторону.

— А-а хлопа гомун! — воскликнул парень, забыв все литературные речи, простучал кулаками по груди и продолжил: — А-а хлопа три пятна и пять волк!

Ам покачал головой и выпустил пальцы из двух кулаков, намекая, что в столь опасный поход отправляются только те, на чьём счету не менее дюжины побед.

Из проёма выглянула Эя.

— А-а и Эя ни ыда даль, — девушка сомкнула ладони и умоляюще посмотрела на брата. — Буя близа.

— Ладя, — он отмахнулся, — ыда! — и поднёс два пальца к глазам, после переведя их на А-а. Мол, следи за сестрой, она теперь под твоей ответственностью.

Пара протиснулась сквозь человеческую массу и сбежала по лестнице. На уровне земли девушка потянула А-а в сторону подвала, но парень, несмотря на брыкания, выволок Эю через головной вход. Гомуны взвизгнули и проводили человекообразных взглядами.

Девушка жмурилась, шла за А-а, словно на поводке, пока визги как следует не отдались.

— Вырла, кшыш, вырла! — Эя разразилась трёхэтажным, сопровождая каждый речевой всполох рукоприкладством. Она колотила А-а ладошками, сжимала губы и шумно выдыхала через нос. Наконец, оставив с десятка смачных отметин на теле возлюбленного, Эя утомилась и тут же её накрыло осознание потери: — Уд удя дая. Эя и А-а ни видя. Близа ни хлопа, — протянула девушка и осмотрелась.

В глазах застыл испуг.

А-а привёл Эю не к кромке чащи, а в сердцевину густых бетонных зарослей. Эины губы подрагивали, казалось, того и гляди, страх вперемижку с горем пробьют брешь и глаза разверзнутся хлябями небесными. Но она держалась, прожигая дыру в спутнике.

— Все идти чаша, — А-а поднял лезвие на уровень груди. — Ведомо А-а, Уд храбрая охотник. Ибо егды племя изнывать от безживота, он мочь идти на поиск яства к домам. Куда никто не хаживать.

— Ам говоря: «мал близа!», — крикнула девушка, спугнув зайца или куницу.

Кусты у асфальтных обломков затряслись, будто через них юркнуло что-то небольшое.
— Ам изрекать, А-а совершать! Со мною идти?

Эя сглотнула и закусила губу.

— Кады Уд здесь, никто не возмочь. Окромья мы. Гомун не трогать только А-а и Эя. Внимать?

Девушка кивнула.

Они шли по выщербленной дороге. Над головами нависали исполинские высотки, в рёбрах которых гулял ветер, словно перебирая струны перекрытий. Тут и там выступали скелеты автомобилей, поросшие мхом. Сквозь рыжие подтёки на стене угадывалось гигантское женское лицо с неестественно белыми зубами. Справа, наполовину завалившись на остановку, лежал каркас гигантского билборда. На его выцветшем полотне всё ещё угадывались буквы, но ржавчина и птичий помёт отредактировали послание:

«УДУШЕЕ ЗА НАМИ»

А-а то и дело порывался вильнуть ближе к домам, но Эя дёргала его за руку. Совсем близко разносились визги.

Снег почти сошёл, обнажив землю, и лишь под стволами деревьев пролегали небольшие пушистые островки. Под ногами хрустел ягель, захватив асфальт и грунтовку. Иногда из-под мха проступали контуры люков, а на перекрёстке всё ещё стоял покорёженный светофор с пустыми глазницами фар.

Эя наконец успокоилась, но А-а начал заметно дрожать. Ему вспомнилась вытянутая из кострища страничка и пришло озарение: они ищут не Уда, а чудовище, названное праотцами «Вам-пир». Ветер трепал верхушки деревьев и каждое дуновение А-а останавливал жестом спутницу и вглядывался. Но ни гиганта, ни следов от его огромных ступней А-а так и не засвидетельствовал.

Выйдя на пустырь у многоглазого здания, они решили передохнуть. У широких ступеней, наполовину вросшая в землю, лежала огромная буква «М», а из груды битого кирпича торчала рука бетонной скульптуры, сжимавшая не то зубило, не то отвёртку.

Эя устроилась на поваленном бревне, пока А-а обходил территорию в поисках меток сородичей. Он как следует внюхивался и, не найдя следов, помочился по центру пустыря, а после уселся рядком. Эя развернула тряпку и протянула сушёных сморчков, а парень собрал пригоршню талого снега, чтобы смочить рот перед трапезой.

— Эя ни ходя дая, — девушка обхватила себя за плечи, расположив руки крест на крест.
— Эя ни ходя дома. Уд говоря, самка близа...

— Самка должен быть подле самец. Не страшиться, А-а рядом, — парень взял ладонь Эя и ткнулся в неё носом.

Щёки девушки зардели, и она прошептала:

— Уд ни примя А-а, Ам примя. Кабы Уд... — она недоговорила. Взглянула на безмятежное небо, тоскуя о суровом, но таком любимом отце.

— Наш первенец сын надеть имя Уд и стать великой охотником!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.